

НИКОЛАЙ ПОЧТОВАЛОВ

ВОЛАТИЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

2015-ый год

НИКОЛАЙ ПОЧТОВАЛОВ

ВОЛАТИЛЬНЫЙ
ДНЕВНИК

2015-ый год

г. Петрозаводск

Николай Почтовалов – поэт и бард из г. Петрозаводска (Карелия, Россия), член Союза писателей России. Родился в маленьком городке Лахденпохья (бывшая территория Финляндии), жил на Донбассе (Украина), проходил службу в советской армии на дальнем Востоке, учился в Петрозаводском университете. Работал в шахтах Донбасса, в киевском метрострое, на стройке «Днепр-Донбасс», забойщиком, проходчиком, токарем, взрывником... учителем, научным сотрудником, главным хранителем краеведческого музея.

Только из множества "Я"
возникает единичное "МЫ"...

Загляну я на само доньшко,
а на доньшке нету солнышка,
нету солнышка, нету лучика...
Закушу ка я, да, огурчиком...
А душа лежит, да — на блюдечке
с голубою, ой, да, каёмочкой...
Только не нужна никомушеньке
одинокая моя душенька...

Я почти забытый и брошенный,
что-то слёзы катят, как горошины,
а весна за окнами — тягучая,
ты, весна, меня уже замучила.
И ручьи в снегах лежат замёрзшие,
и от этого — как будто горше мне,
и в окошке плачет солнце зябкое,
обмотавшись облаками-тряпками.

Не пугай меня ветрами стылыми, —
всё равно всегда друзьями были мы,
если не помру, — наполню ветром грудь:
этот ветер стылый — выдувает грусть.
Не забыто всё, не позаброшено,
раскатились по углам горошины...
Ох, устал я, братцы, да, — тереть глаза...
Да и толку что, да, - всё глядеть назад...

Наступит день — зима и маета...
Унылый город... Вечностью согрета —

жизнь ждёт, хоть... до предельности пуста...
а мы всё ждём обещанного лета...
Оно придет, конечно, но... потом...
когда-нибудь – согреет, если сможет...
Как здорово, что с жизнью я знаком!
Она на маму на мою похожа!

Забинтованное небо...
голос чей-то слышу... слышу...
Не был я, давно я не был
с ним вдвоём... Он просто вышел
и... ушёл, а я напрасно
ждал его... Такая мера...
Одиноким жить опасно,
хоть, конечно, я не первый...
В одиночестве, конечно,
что-то есть почти за гранью...
Это ни орёл, ни решка...
это просто – ожиданье...

Весна ещё безумно далека:
хрипит февраль в оглоблях звонкой ночи,
на облучке три месяца хохочут,
весну хватая рьяно за бока...

Ещё блестит осколочек луны,
но не поймать за хвост остаток ночи,
хотя друг другу мы всегда верны
среди безумно страстных многоточий...

Нечаянно почувствую весну,
когда ещё февраль в снегу маячит
и в зимнем небе мячик лунный скачет,
и я опять сегодня не усну...

И нет весны, увы, ещё пока,
хотя зима свой век уже итожит...
Весна ещё безумно далека,
пульсируя под белоснежной кожей...

Зима... Уныло и... темно...
В пространстве замкнутом и стылом,
как облачка, — колечки дыма
плывут в замёрзшее окно...
Как будто вечность замерла
в столетних половицах пола...
Я к этой вечности приколот:
жизнь, как и комната, — мала...

Зима... И в липкой тишине
ворчать не прекращает тёща...
С ворчаньем жить, наверно, — проще
моей простуженной стране...
И голоса едва слышны,
как на заброшенном погосте:
дожди перемывают кости...
Они безропотно грешны...

Зима... Простуженный и злой,
хрипатый голос только жальче...
А в зеркале уже не мальчик...
Увы, и тут не повезло...
И в комнате опять темно...
В пространстве замкнутом и стылом
моя душа — колечком дыма —
плывёт в замёрзшее окно.

В феврале — в канун безумной ночи
снег не таял под твоим окном
и следы нелепых многоточий
отмерял дежурный метроном...

Был бы толк в отлаженности быта...
но не спрятать никуда глаза:
даже боль — отчаянно открыта,
и солгать себе уже нельзя...

За окном луна весну качает
и февраль сгорает на ветру...
и лимончик тает в чашке с чаем,
как и ночь, с кислинкой, — поутру...

Тает снег — пустые слёзы:
у весны с зимой прощанье.
Нет прощенья обещаньям —
не поэзия, а проза...

Ни к чему нам сожаленья
в невозможности морозов.
Снег растаял. Тают слёзы —
соучастницы сомнений.

Холодным, стылым летом облака
вползают в окна, втискиваясь в душу,
и кажется — слетает день с катушек,
вонзаясь в ночь подобием клинка...
взрезая плоть пространства на лету,
и время стынет в промежутке суток,
как стынет чай, заваренный так круто,
что делит жизнь на эту и... на ту...

Ворчанье в пыль вминает разговор
и мы молчим всё чаще, — нет резона...
и ходим всё по кругу, будто в зоне,
неся, увы, всенепременно вздор...
Никто не слышит — даже в пустоте,
и нет прощанья так же, как и встречи,
и ждёшь чего-то, только думать нечем...
они бездарны, да и мы... не те...

Так хочется соврать, что я не весел...
Не верьте: рвётся сердце из груди,
а мир вокруг невероятно тесен...
и смех, увы, не радует, — вредит...
Смеются все, а грусть так одинока,
что кажется — наступит тишина

и станет слышно из открытых окон —
сошла с ума весёлая страна.

В осколках пьяного стекла
кривлялись рожицы поэтов,
в них жизнь как будто бы текла
и не о том, и не об этом:
она в цветных стекляшках дух
раздваивала и кружила,
расплёскивая пены пух
и распуская в нити жилы...

И в этом омуте миров
душа тонула в одночасье...
я был и болен и здоров,
хотя не целым был, а — частью...

А жизнь кружила и влекла
в неведомые мне пределы,
она была и не была,
хоть на ушко мне песни пела...

Я жду без малого — сто лет:
скрипят безбожно половицы...
и тень на письменном столе —
что заставляет сердце биться...

Просто — холодно...
Похоже — навсегда...

Не согреюсь «Беломорканалом»...
Жизнь была и... вдруг её не стало...
На лице — ни пользы, ни вреда.
Просто — холодно...
Похоже — изнутри...
Душу не согреешь даже водкой...
Жизнь легла верёвочкой короткой —
Будто кто её нечаянно остриг..
Просто — холодно...

Безночья нет уже почти...
Ни мыслей, ни людей, ни звуков...
и воздух чуточку горчит,
и вдохновенье смотрит букой...
Луна в окне и в тишине
весна капельничает мило...
И только не с кем выпить мне...
хотя бы чаю... Хмуро... стыло...
Случаен радостный порыв —
вскочить и... на клочке бумаги
затеять пиршество игры
весёлых слов... Подобно браге —
кипеть в отчаянной борьбе
нелепых фраз, а может фишек...
быть и противником себе,
и другом, если кто-то свыше
подбросит весточку в окно:
безночья нет — есть полночь...

Жить даже ночью суждено
в стихах... и даже — между строчек...

Полетела звездочка... О чём-то
чья-то пригорюнилась душа —
одинокой, жалкой собачонкой,
у которой в жизни — ни шиша,
даже нет простой собачьей будки,
где бы ей денёчки коротать...,
а не то, чтоб, — даже просто в шутку, —
той звездой в момент паденья стать...

Дурачок, ты, Коленька:
был и... будешь — голеньким...
Ты не понял, родненький:
лучше быть угодником,
промолчать, а тряпочку
спрятать, чтобы лапочкой
в кругу быть проверенном...
Ну, а коль — не верил я,
вот, и вышел... Коленька,
будто в бане, — голенький.

Мы улетим с тобой, как птицы, —
к теплу, за синие моря:
с туманом розовым проститься,
сорвав листок календаря...
И смоют волны океана
шагов запутанных следы,

и облака в тумане канут
на фоне розовой воды...
и — всем назло: под шум прибоя
скользнём по кончику зари,
и будет чудиться порою,
что мы над волнами парим...
Мы на краю земли оставим
всё, что сбылось и не сбылось, —
на тёмных пятнышках проталин, —
и душу — мокрую насквозь...

Я сижу, как умный, — в пончо, —
под ленивым солнцем южным:
думать ни о чём не нужно,
будто жизнь уже закончил...
И на солнце снова пятна,
море — серое от лени
и в костре шипят поленья,
бормоча, увы, — невнятно,
волны хлюпают устало, —
проще б — хлынуть и... остаться, —
так не любо им прощаться:
жизни не бывает мало.
Пой, моя гитара, звонче, —
время года не помеха...
Мне б сидеть в лучах успеха,
только всё же, братцы, — в ... пончо.

В кулаке сожму копейку:
счастья не было и нет...
Ты мне стопочку налей ка,
чтобы белым был бы свет,
чтоб в закатах и рассветах
не висела тишина,
чтобы жить себе поэтом
и копать себя до дна,
чтобы рвать себя на части,
но не вырвать сердце вдруг,
чтобы всё же было счастье,
чтобы был и враг, и друг,
чтобы ждать и дожидаться,
чтобы верить и прощать,
чтобы жить открыто, братцы,
только глупость не пущать.

Положите меня в незабудки,
чтобы в них не забыть до рассвета,
что ещё не закончилось лето
и до осени целые сутки;
чтобы выпить всю жизнь без остатка,
чтоб на донышке солнце блестело,
чтоб душа не ворчала, а пела,
чтобы жить, а не строить догадки.

Странно всё: пустые ночи,
дни без мира и тепла,

сутки — будто между прочим,
и любовь безумно зла,
и в стакане без остатка
растворяются мечты...
Как душа до водки падка —
водку пьём и я, и ты,
только я без остановки,
вне закона, вне причин;
трезвый я почти что кроткий,
пьяный — первый из мужчин;
не в дугу сухая глотка,
промочить её всегда
лучше не водой, а водкой,
чтобы не было стыда
за поруганное счастье,
за твои глаза в слезах,
чтобы смог всегда украсть я
свой и твой извечный страх...
Я почти устал от злости,
рвусь на части от тоски...
Ну, до встречи на погосте.
Пью последние деньки.

Странно всё: пустые ночи,
дни без мира и тепла...
а душа промежду строчек
не дышала, но жила.

Почти устал от одиночества:
с врагом старинным встрече рад,
и на троих так выпить хочется,
как и не хочется утрат...
Ах, если б в этой жизни выстоять
хватило мужества и сил...
но так и тянет в душу выстрелить,
чтоб Кто-то душу отпустил.

На забытом полустанке
прозорливая цыганка
нагадала жить до боли,
до - в душе последних колик,
до - усталости в коленях,
до - конца преодоленья,
до - почти бездонной ночи,
до - почти что — между прочим,
до - остаточка в сосуде,
до - совсем уже не будет,
до - прощального звоночка,
до - последнего глоточка...

В облаках летать не стыдно,
только до смерти обидно:
что хотели, — не имели...
Как же будни надоели!..

И на дальнем полустанке
может, старая цыганка

нагадала жить иначе?
Что же это, братцы, значит?..

Далеко за небом синим
бесконечность бытия,
а в заснеженной России
в доме только ты и я,
прилепились дружка к дружке —
и уютно, и тепло —
я дружок, а ты подружка, —
так уж в жизни повезло.
А в окно стучится ветер:
видно хочется ему
быть на этом белом свете,
как и нам, — не одному.

Такое северное море,
что юг отчаянно далек
и день в неммыслимом миноре, —
мажор на севере не впрок.
Но пропотевшая гитара
поёт о лете... мне бы так...
и пели бы тогда на пару,
но я один: пою не в такт...
А где-то небо тонет в море
и солнце прячется в песок...
А мы с тобой опять в миноре —
как будто отбываем срок.

Я вернусь почти забытым,
битым словом и молвой,
невозможно грязным бытом, —
но с весёлой головой.

И опять моя гитара
зазвучит тихонько вдруг...

Мы с ней пара и не пара,
ведь она и враг, и друг.

Я её боюсь немного
и люблю без суеты.

Эти струны — струны к Богу, —
понимаем я и ты.

Звуки тайною покрыты,
как, наверно, и стихи...

Невозможно быть забытым,
если есть ещё грехи.

Следы на свежавыпавшем снегу,
как и всегда, бездумно откровенны.

И я, наверное, опять смогу
свою судьбу ломать через колено.

Прошу себе все старые грехи,
начну опять и вновь грешить сначала,
и запоют в душе моей стихи,
как будто до сих пор она молчала.

И на ветру, — отчаянно легки, —
с берёз вспорхнут последние листочки,
приветствуя рождение строки
и жизни, и стиха... Не надо точки.

Не горит огонь в печи
и постель не греет,
да и сердце-то стучит —
будто бы за дверью.

За денёчками деньки
пролетают мимо —
ох, денёчки-мотыльки:
лета, вёсны, зимы...

Только глупая луна
не даёт покоя:
неуёмна и шальна —
не достать рукою...

Так и маюсь до зари —
сам сова совою...
что-то в душеньке горит —
не бывать покою...

Блестит осколочек луны...
Опять прошу остаток ночи:
друг другу мы всегда верны
среди весомых многоточий.

И ночь была, и не было зимы:
облизывал туман лениво крыши
и по дороге шли, увы, не мы,
и слышно было то, что не услышать...

Висели горы в бездне тишины,
в пространстве «мини» было столько «мега»...
и чувство обессилевшей вины
торчало воровато из-под снега.

В стакане ложка дребезжит,
луна качается в окне,
в вагоне пол всегда дрожит,
как всё дрожит в моей стране...

А я на полочке второй
лежу, подрагивая в такт,
и жизнь мне кажется игрой,
в которой всё совсем не так...

Но ложка всё же дребезжит
в стакане, видно, — неспроста:
всё ж хорошо на свете жить,
и даже — с чистого листа.

Птица белая за моим окном,
птица чёрная залетела в дом...
будто тень судьбы замаячила,
будто путь земной обозначила.

Что-то холодно в груди, что-то холодно,
будто выпита уже эта жизнь до дна,
будто было и вспорхнуло белой птицею,
чтобы где-то на земле схорониться ей.

Не прощай меня, если что не так:
кабы знать, кто друг, кабы знать, кто враг...
не ворчи в душе, — лучше выскажись:
не гадай на смерть, — загадай на жизнь.

Не успел я, не успел, — струны порваны...
белых птиц давно уж нет, — только вороны;
в дымке памяти не встречи, а прощания, —
улетают паутинкой обещания...

Кликнет ночь и я встаю,
и, глаза продравши, вижу:
месяц в форточке бесстыжий
примостился на краю
и подмигивает — мол,
шевели, дружок, мозгами:
строчки не приходят сами...
и бесстыдно — шась на стол,
и к настольной лампе... Вру...
нет и не было Светила,
просто что-то накатило, —
видно, братцы, не к добру...

Весенний снег полоской грязно-серой
впитал в себя всю оторопь зимы,
и морщат волны ладожские шхеры
под солнцем летним, выданным взаймы.

И рвёт на части парус ветер шалый,
и чайка режет небо пополам,
но катер, неприкаянно усталый,
идёт неумолимо прямо к нам.

На пристани, где встречи одиноки,
где нет резона злиться и страдать, —
мы просто ждём в назначенные сроки
тех, кто умеет в этой жизни ждать...

На ладони линия,
да, не очень длинная:
не река, а ручеёк, —
путь ни близок, ни далек,
затерялся в поле след, —
вроде был, а ныне нет, —
замело позёмкою
мою тропку ломкую...
Ты не жди меня, не жди, —
смоют вешние дожди
все следы-следочечки
этой тёмной ночечкой.
Эх, ты, моя линия,
что ж не очень длинная?
Ручеёчек не река:
коротенечка строка.....

Нет зимы ещё пока:
осень слякотью итожит...

мы с тобою будем тоже
сумасшедшими слегка...
Возвращаться?.. А куда?..
В лето?.. Осень всё же ближе:
даже ветер душу лижет,
с неба падает звезда...
ночь блестит в моём окне
отражая блики счастья...
Мне бы быть хотя бы частью
счастья, пришлого извне...

Тише, тише, — говорите тише...
кому надо, тот услышит,
только бы да Богу в уши, —
не хочешь, — не слушай.

Было, было, — только с ветром стылым
улетело, — сердце ныло
от неведомой тревоги —
короткой дороги.

Было лето, только осень где-то
ждёт-пождёт, но нет ответа...
и строка неумолимо
пролетает мимо.

Тише, тише, — говорите тише:
это наши души дышат...

Жить бы нам не одиноко
до самого срока.

Благослови меня, печаль...
Я ждал усталости в ответе
на свой вопрос и не заметил,
что мне молчания не жаль.

И я молчу, и ты молчишь,
секунд фальшивых кастаньеты
отмеривают жизнь, — при этом,
распугивая время лишь...

А я, рискуя, напролом
бегу в запутанном пространстве
за ветром неуёмных странствий...
Я закалён добром, и злом...

И мне ли недоумевать?...
И мне ли врать без сожаленья?...
И мне ли жить на пару с тенью?...
И мне ли всех на помощь звать?...

Благослови меня, печаль...

Была ли моя музыка?..
Не ждали и не верили...
А я — дежурным узником —
смирился и с потерями...

и плакал, слёз не ведая,
тонул в пучине памяти,
и сердце не безвредное
не запускало маятник...
и звуки запоздалые
покалывали вечностью...
а то — любовью шалою
в обмотках скоротечности...

Была ли моя музыка?..
Не знаю... жду распутницу..
Живу дежурным узником
и думаю, что сбудется...

А что это было?.. Как будто бы ветер
промчался грозою по краю зари...
но я будто так никого и не встретил,
и только орёл в поднебесье парил...

А было ли это?.. Начну всё сначала...
и где-то восстану, а где-то замру,
а где-то, грустя, оттолкнусь от причала,
забыв неизбежно спасательный круг...

Не быть бы такому, но... кажется, было:
простуженный ветер разлуку качал...
но к берегу щепкой надежду прибило,
как неосторожность начала начал...

А что это было?.. Как будто бы ветер
листвою засыпал почти полземли...
и я на Земле так тебя и не встретил...
Наверное, ветер меня... разозлил...

Город, в котором всё рвётся на части,
ждёт сотни лет откровенного счастья,
ждёт и не верит.. А как же тут верить,
если веками сплошные потери,
если все путано, но неизбежно,
если не тут, вот, а всё-таки между,
если в глазах неизбывность печали,
если ещё и не всё откричали,
если ворчанью не видно предела,
если не дело, а только полдела...
Если в безумстве рождается счастье,
значит, — всегда надо рваться на части...

Нет, — не север, нет, — не север...
Север — у Москвы под боком...
А на Севере далеко
Север с нашей жизнью сверен:
верен Он — забытой чести,
верен он — открытой двери...
Он в любовь доселе верит!...
Он — простой... на шее... крестик...

Шёл я долго по дороге...
видно, подустали ноги...

сердце по ночам кричало:
быть концу, а не началу...

У надежды на закорках
мы бредём, да, всё по горкам,
по ухабам, да, по кочкам,
не по дням, а всё по ночкам...

Не со зла судьба такая...
не расскажет, хоть и знает...
и душа, уставши в Боге,
вдруг заплачет на пороге...

Отчего ж в груди болело?
Видно, песню не допел я...
и душа в ночи кричала:
не концу быть, а... началу!

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг..
Северный ветер застанет врасплох:
он им и царь, он и Бог...

Стоит закрыть глаза, —
снова гудит вокзал...
и невозможно, — хоть криком кричи, —
север к себе приручить...

А в окно смотрю, — и не верится:

то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли просто сошла с ума...

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг..
Даже в разорванности бытия
сможем прожить — ты и я...

Рвётся пространства нить:
хочется волком выть..
Будь на Земле ни единой души, —
север души не лишить...

А в окно смотрю, — и не верится:
то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли сам я сошел с ума...

Птицы — на юг, на юг
через Полярный круг..
Белые снега метут и метут:
север всегда на посту..

Старый приснится друг:
вот, и замкнется круг..
дружба не знает весомых причин
в северной таять ночи...

А в окно смотрю, — и не верится:
то ли лето, а то ли зима,
то ль стоит Земля, то ли вертится,
то ли все мы сошли с ума...

На листочке на осеннем
я лечу — совсем рассеян
и бездумно откровенен,
будто бы опять влюблён...
будто бы хранитель тайны
был сегодня просто крайним,
да, и я — какой-то странник —
из миров каких-то... клон...
Сплю, а вроде что-то слышу:
будто кто-то рядом дышит:
может, этот кто-то — свыше...
чрезвычайно сладкий сон...
Только ветер за спиною,
только сердце что-то ноет...
знать... знакомлюсь я с женою —
и опять... в неё влюблен!!!

Я растворюсь в улыбке лета
и в море синем утону
большой серебряной монетой —
за всю огромную страну!!!
И волны слижут тень устало,
и море всхлипнет мне вослед,
как будто жизнь опять украла

на вечность выданный билет...
И я уйду... или уеду
туда, где можно не спешить,
где лето может быть... по средам,
но всё равно – приют души!!!

Прошли мы свой, а, может, и не свой...
нелёгкий путь от встречи до разлуки...
Ты номер лагерный заранее присвой
себе без суеты – на всякий случай...
Живи... Молись... хоть этим не помочь:
звезда с крестом слились в пылу наживы,
и дню они предпочитают ночь,
и мы живём, хотя уже не живы...

Грустим по прошлому, а прошлое опять
взбивает пыль густую сапогами,
и на губах – сургучная печать,
и крест всё чудится в оконной раме....
и льётся свет, но... холодно душе:
в словах вождей – презрение к народу,
и слышится настырно: рот зашей...
а жизни год в России – за два года...

Нам умирать, вращая в тишину...
Им жить в режиме «потирая руки»...
Я ехал в мир, – приехал на войну...
И не возьму надежду на поруки...

В загадке дня неловкие намеки...
Лечу, не замечая пустоты...
За мной спешат, не уставая, строки
без точек, многоточий, запятых...
Врезая быт отчаянным движением
в попытке жить без ведомых причин,
я вижу только чьё-то отраженье,
которое не говорит, — молчит...
Но и в молчанье есть пространство чуда:
хрипит судьба в отчаянном рывке...
и было бы, конечно же, не худо —
взорваться в неожиданной строке.

А пальцам так хотелось жить
в пространстве дрожи и тревоги
и... тишиной не дорожить,
и быть к безумству на пороге,
бояться, но... взлетать и... вниз
с вершины падать на камни,
не слыша голоса: вернись...
и исчезать в пространстве — тенью...
Не в хрусте времени — ужом —
скользить легко, непринужденно,
а... лезть без смысла на рожон
в пространстве узком, но... бездонном...
Ах, эта странная любовь —
жить в этой жуткой круговерти!..
А пальцы ищут вновь и вновь
лекарство от внезапной смерти...

Никто не знал пути из дома...
и я не знал... пришла пора
уйти дорогой незнакомой
уйти... сегодня... не вчера...
Ушёл туда, куда дорога...
вела и... вовсе не беда,
что шёл с другими я не в ногу,
и не сгорая от стыда...

Там не за каждым поворотом
ждёт неизбежно пустота,
но и желание полета —
напоминание креста...
Там день и ночь идут в обнимку
и недовольных нет вокруг...
а чёрно-белым фотоснимком
молчит часть жизни на ветру...

Хватало в жизни слёз и боли,
но вечность в капельке росы
доводит сердца стук до колик,
кладя привычно на весы
две гирьки — встречу и разлуку
на чаши радостей и бед...
а мне протягивает руку
судьба: в ней скомканный билет...

Удачи тут, конечно, мало:
удачи можно и лишить...

но так хотелось для начала,
ещё немного погрешить...
Стою под солнцем — хмур и весел:
дороги не было и... нет...
но есть мелодии для песен...
Я... рву на части свой билет...

Как руками потрогать боль?..
Как забыть?... Не забыть... и не надо...
Эта боль, как последний бой,
где и выжить — уже награда...

А жизнь у нас — как чёрная дыра:
пошарь в своих карманах для порядка,
но жить-то будет горько, а не сладко,
ведь жизнь в России и не жизнь, — игра,
в которой ты, конечно, проиграл...
и не ворчи, — ведь есть микстура — водка,
и будет жизнь ни длинной, ни короткой,
но ты же сам и у себя украл
возможность быть и жить... Почти — судьба...
Люби хотя бы... Может в этом сила?
Ведь мама эту родину простила...
Не мама, — это родина слаба...
Она молчит и в этом есть резон:
её молчанье даже режет уши...
Я выйду в поле, чтоб её послушать.
А в поле слышу не ворчанье, — стон...

Ржавость осенних выводов
наводит на грустные мысли...
Их бы из жизни выдавить,
выдуть, оставив числа,
кроме числа тринадцать,
а вместо вставить нолик,
чтоб счастливым остаться
навечно... без горя, без боли...
Но... жизнь будет пресной
и тесной от счастья в котомке...
Утехой останутся песни,
в которых ни шатко, ни ломко,
никак, — если выразить прямо
свои настоящие чувства —
которых, ну, — целая гамма
и хочется некоей чуши,
и жадется тайны за дверью
на стыке молчанья и ора...
но... впору находкам потери
и нет окончания спорам...
Ржавость осенних выводов
наводит на некие мысли...

Смотрю и не дышу:
на лепестке цветка — слеза
висит, подрагивая телом,
как на пружинке,
словно... между делом -
забыла, что — упасть должна...

Вы одиноки... Я одинок...
Усталость... Быт... Желанность встречи...
И время... Но оно не лечит,
оно — как старое вино:
туманит голову, маня
куда-то вдаль — к друзьям, на север...
но... даже старый друг не верит,
что может повстречать меня...

Я рвусь на части от обид
и злюсь на тех, кто жить мешает...
не верю тем, кто всех прощает, —
ведь всё равно душа болит,
ветшая быстро от заплат,
и рвётся, захлебнувшись в плаче,
в глазах как будто черти скачут...
Но я — безумно жизни рад.

В твоих глазах я вижу не печаль,
а... радость встреч на стыке дня и ночи...
Душа бурлит и тоже счастья хочет!
Так, может, стоит в этот день начать?

Вот она плывет — невесома...
а в глазах её — будто омут...
Утонуть бы в нём на рассвете,
чтобы по ночам песни петь ей...

Чтобы под луной одинокой,
проплывающей мимо окон,
заплетать косу дивной ночи
и вплетать слова вместо точек...

Губы шепчут... что?.. не слышу...
вижу — воздух мнут неспешно...
как-то вяло, безутешно —
будто жизнь уже не дышит...

Просто мимо манекеном
на плече своём верзила
тащит жизнь, и тянут жилы
те, кто спрятались за стены...

Только губы шепчут присно:
поживи с моё, — поможет...
Дай ещё пожить, мой Боже!..
Буду жить — хоть зубы стиснув...

Ну, не пишется мне нынче:
мысли, как птенцы, — вольны,
взгляд бездумно в небо ввинчен
острым штопором весны.
Я себе немного странен:
грусть меняю на печаль...
Ночь уже почти на грани, —
помогает только чай...

На кону безумство ночи...
Сладок бешеный порыв...
Толпы непонятных строчек
в круге замкнутой игры —
гонят кровь судьбе навстречу,
без усилий круг замкнув...
Части тела, части речи —
всё на призрачном кону...

Струйка времени почти
исчезает: рвётся память,
оставляя вечность с нами
и раздвоенность в ночи...
А прольётся свет в окно
и... тепло пронзит ладони...
Ветер жизнь по кругу гонит:
вот, и я с ней заодно.

Как незапятнанно суров я...
к себе... умеренно раним,
хотя и знаю, что — не ровня
тому, кто в памяти храним...
Я жду... отчаянно, тревожно —
ещё безумства на лету,
но... чую — даже и подкожно —
причастность к жёлтому листу,
который медленно, наивно
раскачиваясь на ветру
под взглядом, может быть, противным,

вписавшись в некую игру,
в пустопорожнее пространство
пытаясь отсигналить SOS,
раскачивает время странствий...
в которое меня унёс
мой старый друг – противник спора
о том, что ж гложет изнутри...
Знать, время вовсе не опора
для тех, кто любит взаперти
сидеть и ждать... Умру от скуки
в пространстве верности уму...
Друзья протягивают руки,
а мне... приятней... одному...

Выла ночь в трубе печной,
ветер ставил на колени,
дождь осенний – неврастеник
слёзы лил над всей страной...
и звенела тишина –
в ней загубленные души,
чтобы сон мой не нарушить,
вылетали из окна...

Уснуть бы... Редкая удача
хранить спокойствие в душе...
Душа и дома, как на даче,
где звуки – мука для ушей...
где тишины граница тонкой
всегда была... и каждый вдох

так напрягает перепонки
ушные... Страшно, — видит Бог...

Я в акустической ловушке
живу уже который год —
у Музы-киллерши на мушке,
не принимая жизнь в расчёт...
Уснуть бы... Редкая удача
хранить спокойствие в душе...
На что я жизнь свою потрачу, —
не для измученных ушей...

На что мне осень золотая,
когда в болотной тишине
Россия слышать не желает
что я опять, как на войне...
Что замусолили свободу
в угоду жирным "первачам"...
и я кажусь себе уродом,
вот эти строчечки строча...
И, расцарапывая душу,
опять смолчу в который раз...
чтобы баланса не нарушить
грустящих и весёлых глаз...

Не рвётся ниточка судьбы,
но... продолжение... незримо:
и очертания грубы,
и даты пролетают мимо...

Но стылый вечер за окном
не окончанием тревожен...
Всё будет, только... кверху дном...
Как этот мир безумно сложен...

Голос тонкий, одинокий...
рваное межоблачье...
ветер надувает щеки,
стылость — горло обручем...
И в кружении усталом
одинокого листа
ощущение провала —
жизнь весома, но... пуста...
Прошуршу, неспешно вызрев,
каблуком вминая грязь...
В голове — как будто выстрел:
жизнь идёт и... удалась!

Когда на Родину опустится беда, —
застынут наши замороченные души:
и так захочется тихонечко предать...
и свои души и не слышать, и не слушать...
И землю звонкая накроет тишина,
как в предрассветье сон неумолимо душит,
и не увижу я из своего окна,
что улетают мною преданные души
в бездонность чёрной от утраты пустоты,
в такую даль! — не выразить словами...

И остаёмся вместе только я и ты...
и — подлость, подслащённая стихами...

Зима ворует вдохновенье...
слова пустые на ветру —
как чьё-то жалкое уменье
всегда поддакивать перу...

Молчу все чаще... За удачу
не пьётся... дом уныло рыж...
Того гляди — опять заплачу
я в унисон с капелью крыш...

Так можно задохнуться вдруг
от пустоты и слов, и звуков,
от безуспешности потуг
пожать опять неспешно руку...
когда уходит лучший друг..

Кому-то север — как за пазухой,
а мне — ворчлив, но... терпко густ...
Никто не верит, что у лабуха
так много — и любви, и чувств....

Нечаянность ответа на вопрос
в глазах оставит след недоуменья...
Там, впереди, в конце пути... погост
и... ветер, не имеющий значенья...

Всё было... нет уже пути назад...
Прости за жизнь мою во имя жизни...
И канет в небыль грешная слеза,
и небо землю тёплым солнцем взбрызнет...

На Севере солнца не так уж и много...
Но... небо пониже — поближе до Бога...

На холодном песке мироздания
в рваном облаке теплится даль...
и душа, облечённая данью,
неизменно качает печаль...
А вдали — невесомо уютно
в колыбели и ночи, и дня
я лежу, как придаток беспутный,
никого и ни в чём не вина...

Начну ворчать... Восторги по боку..
Холодный вечер персонально призрачен...
Как будто запоздало облако
Случайно серое, сказала лично мне:
Любви не жди, — она придет сама...
Пустынна ночь и роль её изменчива...
Любовь всегда — не горе от ума...
Она придет... Но... вот, излечит ли?

Не волен я жить беспечно.
Хотелось, ведь — знать не знаю,

что жизнь всё-таки конечна,
но — добрая, а не злая...

Не гугли...Вреден смысл ответа...
Не промелькнет наивно суть
в слепую щёлочку просвета,
насквозь простреливая грудь,
а, растревоженная звоном,
прольётся дождичком с небес
не громко и не монотонно,
неся в себе подспудно крест,
и, расцарапывая душу,
вонзит неожиданно в сердце боль...
Не гугли.. Просто душу слушай...
Она поговорит с тобой.

На зов судьбы не побегу —
уже давно болят суставы:
рукой лениво и устало
махну, хотя... еще могу.

О севере нельзя с прохладцей...
Тепло разумно прячется под снегом
и стылость ветер выдувает в небо,
а нам не надо даже и стараться
жить в своем холоде без мысли,
что солнце не у нас, а где-то,
где не зима, а вечно лето
в высоком небе пледом виснет

и укрывает от ненастий:
от ветра, снега и метелей...
А в наши души... вмёрзло счастье!
Ведь вы же этого хотели?...

Сегодня оттепель внутри...
вчера — морозец...
Не забывай любить, старик, —
назло угрозе
жить с занавешенным окном
и с паутиной...
Пусть за окном ещё темно
и ломит спину..
Но рассветёт... теплом согрет, —
начну сначала...
Там, где любовь, там смерти нет, —
есть путь к причалу..

Стерегу свою память отчаянно
от неловкого прикосновенья,
от запутавшегося ворчания...
от нечаянного отупленья...
Стерегу свою память без устали
от обиды на вечность сомненья...
Неудобное ложе прокрустово:
так не любит мои откровенья...

Только снег по весне вдруг заплачет
отраженьем в окне — уж не мальчик...

Всё проходит, увы, всё проходит...
вот и жизни длина на исходе:
сантиметры... скорей — миллиметры...
дни сдувают беспутные ветры...
но... летят облака в поднебесье
бесконечно восторженной песней!

Ах, эти звёздочки на белом
снегу... Теряются слова...
и кто-то шепчет где-то слева:
да, ночь, ты, как всегда, права...
Лечу в неведомые дали...
Не ждали?.. Слышится вдаль:
мы жизнь с тобой не прозевали...
А ведь, наверное... могли...

Беспечность запоздало одинока
и... верит в непогрешность бытия,
и ждёт чего-то, может быть, — истока,
но нет истока, — только ты и я,
которые бездумно откровенно,
отчаянно не веря в западню,
всё разрушают, как ломают стены...
и... ночь предпочитают дню...

Как солнце вылупилось звонко
и на ветру вдруг засверкало,
как наше вечное начало,
скользя лучом по снегу тонким

и вырисовывая смело
на белом тёмные прожилки,
и, на лету рыхля снежинки,
оно тихонечко горело,
как всё на Севере — без фальши,
без фарисейства, без обмана...
Своей работой филигранной
здесь солнце ближе, хоть и... дальше.

Настигнут затвердевшим бытом ...
забыта суетность дорог..
и колея уже разбита,
и выщерблен родной порог,
и тень, распластанная рвано,
и звон в ушах, и пустота —
в ней ни малейшего изъяна,
и вечность — стыла и густа ...

Не холодная вода...
даже тёплая,
если горе и беда
не притопали...
Посмотрю себе в глаза —
не двоятся ли...
даже если путь назад
и не снится мне...
А в весенней полынье
отражение —

мир в нечаянной войне
и прозрение...

Не хотелось, но... вырвалось просто,
развлекая усталую медь...
захотелось, не следуя ГОСТам,
выждав, выразить, может, и спеть...
и сказать, и спросить, и поверить,
и забыть, и скучать неспроста,
и любовь виртуально измерить,
и понять — жизнь предельно густа...

Никогда не поверю... Прощанье
вспоминается с привкусом встречи...
Даже странное просто молчанье
души наши безропотно лечит...
Не войду... Отступлю на пороге...
Оглянусь... Нет разлуки в помине...
А за дверью... бездонность дороги...
Никого та дорога не минет...

Редеют скромные ряды
друзей и близких, и далёких...
Как наши встречи... однобоки —
на грани боли и беды...
Как странны вечности дела...
Как странен свет в углу каморки...
Как раздражает пепла горка...
Как давят жизни удила...

А снег всё падает... Весна
восторгом ширит суть пространства...
Есть в жизни всё же постоянство!
Жизнь на миру, как смерть, — красна!

Чаще — беспокойство... Чуть —
беззаботности и лени...
На стене экрана муть
ставит всех нас на колени...
Рвутся связи на века
мимолетно... Только врут нам
все — немножечко, слегка...
ночью... Но... настанет утро...
А протрёшь глаза, поди ж —
всё не так... Не жди пощады...
Будешь ты почти бесстыж,
но... с какой-нибудь наградой...
Беспокойство — твой удел...
А хотел-то жизни новой...
Кто о совести трындел?...
Промолчи... опять и снова...

Ветер уносит боль...
Только всё равно больно...
Больно... Всегда готовь
сердце — пусть и неволью...
А если у боли вдруг
привкус беды так горек, —
очерти мелом свой круг

вот круг... Увидишь в створе
жизнь... и шагай прямо —
дорога длинна. Коли
мёртвые не имеют сраму,
живые не мрут от боли.

Плесни, браток, эмоций мне в бокал —
я выпью и... под утро вскрою душу...
А там — пороки... Я бы жить не стал,
но мне привычку эту не нарушить.
Закрывать глаза и слушать тишину?...
Прости, но — нет, не запихать в жилетку
мир на Земле и... жирную войну,
в которой выжить удаётся редко...
Удачно спрятаться?... За чьей спиной?...
Смолчу... Плачу за всё, что не вовеки...
Есть подлость между миром и войной...
Мы кто с тобою — люди... человеки?...

Чья-то жизнь внутри клокочет...
Чья — не знаю... а моя
днём молчит, а среди ночи
ищет смыслы бытия...
Ищет, ищет... не находит
и... молчит опять с утра —
будто на противоположном
только звонка и пестра...
Всё и буднично, и просто:
жизнь идёт и я с ней в такт —

клокочу, молчу... С погостом
завершу... Вот, — как-то так...

Перекошено время... Злоба...
Рот слюнявый... Свобода в пыли
затерялась — найди попробуй...
И Россия — корабль на мели...
А вдали голосует солнце!
Только кто ж его видеть смог?...
Мы на самом, на самом донце —
там, где не помогает Бог..

Всё происходит открыто и... вредно...
Грудь рассекает слепая шрапнель...
Колокол только — и честный, и медный —
всё на меня надевает шинель...
Ты не зови... Жить по чести пристало...
Выстрела в спину сегодня не жду...
Только любовь наши жизни спасала...
только любовь отводила беду...

Всё растворилось в суете
и дел, и мыслей... Как безбожно
мы все по жизни осторожны,
не помышляя о кресте...
не успевая видеть ложь,
не забывая быть подальше
от неразумности и фальши,
сжимая свой последний грош...

Молчим... И я молчу – к стыду,
крича внутри... Кому?... Себе же...
Как я с собой презренно нежен...
а ведь, как шарик, – кем-то сдут...
Наивность с подлостью и ложь
во мне живут без сожаленья...
Душа молчит, но... чую жженье
в ней... Может быть, на что-то гожд...

Вывалились из режима:
окно было открыто...
Вот, теперь и лежим мы –
тем режимом забыты...
Ведь режиму быть верным –
дверь, конечно, открыта...
только... трудно быть первым
у родного корыта...

Я в горьком трафике страны
не вижу даже и просвета:
мы от себя отстранены
и наши души не согреты...
Ну, кто наступит на мозоль
войне?... Дым горек и злораден...
Ты душу к смерти не готовь...
Живи – хотя бы жизни ради!...
Ночует где-то тишина...
Любовь нечаянно забыта...
Умами ведает война...

Надежда глубоко зарыта...
А я опять один лечу
в пространстве безусловной веры...
Готов! И первым заплачу
за все...Пусть будет мир forever...

В словах ответов на вопросы
мне не найти... Внутри пожар...
А под ногами мыслей россыпь...
Не дым от смысла — чисто пар...
Горячий пар... от напряженья,
от раздраженья... Два пути —
в небытие и в... отторженье...
Других путей мне не найти...

Есть шар... размером — необъятный...
Есть я и... мы — продукт своей эпохи...
Хотелось бы, конечно, и обратно,
но ведь дела почти не так уж плохи...
В пустом не вижу даже отраженья...
Хочу увидеть, но... линияют краски...
В глазах рыжеет солнышка значенье
и умирает день — на что-то чей-то пасквиль...
Молчу... А что болтать без меры?...
Болтают все, кому не лень... Отныне
я буду молча наблюдать за сферой
своей любви... А шар?... Он не остынет.

Проклятый маятник отныне
не знал, что задом наперёд
он время непременно сдвинет,
до суток ужимая год...

А завтра будет тишина
на всей Земле... Дежурно
душа заплачет у окна
тихонечко, ноктюрно...
И будет нечего сказать,
верней — себе ответить...
а по щеке сползёт слеза:
она — одна на свете...
И в тишине устанет ждать
меня моя тревога...
Дай Бог — опять с нуля начать —
пройти свою дорогу...

Я с непричёсанной душой
опять стою на перепутье...
Направо Бог... кажись — старшой...
Налево — чёрт... А прямо... — путин...
Негусто... Ржавая вода
течёт из крана волатильно...
Я не сгораю от стыда...
но подступает к горлу сильно...
Началу быть... Но где же суть?...
Ворчанье жжёт неумолимо...
Дороги нет — её чуть-чуть...

и все слова, все чувства — мимо...
Всё растворяется во лжи...
Негоже быть в любви усталым...
Как эту жизнь во лжи прожить?...
Как этой жизни в жизни мало...

Стою опять на берегу реки —
под шум дождя, с надеждой на удачу..
Куда девались наши остряки,
которым волю выдали на сдачу?...
Давай взорвёмся тысячью планет,
взлетим над этим захламлённым бытом...
Пускай кричат все, давшие обет —
не отходить от стадного корыта...
А мы в огне растаявшего льда
не разменяем встречу на прощанье...
Пускай умрут от нашего стыда,
не веря и своим-то обещаньям...
И будет жизнь — в объятьях тишины,
на простыне рассветного тумана...
Ну, а пока мы все с тобой грешны —
со свечкой, но — в дыму самообмана...

В пустоте голоса будто...
Хочется молчать тише...
Будет ли когда-то утро?...
Я хоть себя услышу?...
Нет, не понять в ночи даже —
кто же и кому нужен...

Ночь никому не расскажет,
что же нас ждет снаружи...
Странности здесь неизбежны —
вроде бы не как в жизни:
пространство всегда небрежно,
солнце в окно не брызнет...
Пусто и стыло... Свету
нет здесь местечка... Рвано
слышны голоса где-то...
Все, как всегда, — странно...

На чье-то мягкое плечо
склоню устало голову,
не размышляя ни о чём —
о старом или новом ли...
И будет вериться в ночи —
беда уж на обочине...
Да только душенька ворчит:
всё будто мало мочи ей...

Друзья уходят, — есть причины:
они устали, я устал...
Уходят крепкие мужчины:
еще из тех — былых начал...
Болит душа! Не смейтесь, братцы.
В разлуке быть с самим собой,
в ногах у вечности валяться,
навек обиженным судьбой,
и жить под памятью дубины

с глазами честными взаимны...
Уходят крепкие мужчины.
Но станем ли такими мы?...

Начну сначала — жилы рвать и мучиться
от веры в процветание страны...
Америка, Европа — не попугачицы...
Мы азиатским корешкам верны...
Не учимся... и никаким учениям
не верим... Только — Русский Мир...
в четвертом, пятом и... шестом прочтении...
Уж зачитали, видимо, до дыр...

Кому-то в странностях земных
не спится ныне... Рви подметки...
В руках — ответственно стальных —
им помогают только чётки...
Гадают... Нет давно чудес...
Есть люди, верящие в чудо...
В страну давно вселился бес,
а может быть, не бес, — Иуда...
И я — хронически ведом
неумолимостью проклятья:
пока, увы, не грянет гром, —
готов всегда во всём прощать я
свою болезную страну...
хотя ее шаги — постылы...
Я не согласен на войну —
всё это было, было, было...

И мне в затылок дышит он —
мой предок со своей любовью...
И я последний свой патрон
не уступлю на пустословье...

Не ходите далеко —
можно не вернуться...
Не вернуться-то легко —
тяжелей — очнуться
безутешным и больным,
нервным и забытым
на краю большой войны,
может, и у битым...
и лежать — в глазах ни зги
не видать потомку,
и вокруг одни враги:
некому соломки
подстелить... Не голоси, —
толку в этом мало...
Умным — тяжко на Руси...
Умников — навалом...

Нет времени на свете — есть дела,
дела людей, ответственных за дело,
простых и смертных, коих позвала
куда-то жизнь и по пути всё пела
о чудесах, о праздности... о лжи,
о правде беззаветной, но несмелой,
о том, что главное — не жизнь прожить,

а умереть легко... вот это — дело...
А время?... Кто же знал, что там,
где нет его, как нет всего на свете,
исчезнет жизнь со смертью пополам...
Но кто-то всё равно за всё ответит...

Нет, не всё ещё потеряно...
Отмерено жизни чуть-чуть...
Но это жизнь! Проверено —
хоть длинный, хоть короткий путь...
пусть и короткий, но... выстрелом...
Выстоим и не упадем...
А если упадем, — искрою —
даже под проливным дождём...

Нечаянность так странно справедлива,
что хочется почаще на веку
надеяться на тонкости порывов,
которые последствия влекут...
Пространен смысл всевидящего ока...
Поверить можно... Только, где ж оно?...
И мне всегда безумно одиноко,
хотя открыто в этот мир окно.
На этом свете всё так разноцветно,
что только рябь в глазах и тишина...
Нечаянность, по сути, — незаметна,
но... так по жизни каждый день нужна...

Бессонна ночь.... Картонный домик...
Рассылка мыслей... Нет причины
быть в запоздало-странной коме...
есть смысл — орать: давай, с почином...
давай, — ворчи, кричи, неиствуй...
живи — нежданно и... запойно...
живи — безоблачно, но... чисто...
живи — любви ко всем достойной...

Посмотри, какое это чудо —
дождь и снег, и в небе облака...
Будь счастливым! А чего же?... Буду —
жизнью припорошенный слегка...
Пусть и под дождем или под снегом...
пусть в природе полный кавардак...
пусть ворчит и горбится Оного
и зимой, и летом... Что не так?...
Всё, как прежде, только одиноким
на сегодня дан зелёный свет...
Одиноким выданы бинокли,
чтобы видели — преграды нет
меж людьми. Рука — в руке... Столетье
новое оценит по делам...
Не броди один по лихолетью —
нет причины жаться по углам.

Окно... Оно всё смотрит вдаль...
Не жаль ему разбитых стёкол,
в которых чьи-то отраженья

имели главное значенье...
И к добродетели, к пороку
имело мнение едва ль
окно... Оно прощает стыд...
обид не помнит... Сколько было
невинных фраз больше действий —
особенно, конечно, в детстве —
когда слова тебе в затылок...
и ты, как пулею, пробит...
Окно... Открытость напоказ —
для глаз чужих и, может, даже —
для тех, кто прячет в них проклятье,
считая лакомым занятием
в пылу немислимой продажи
души... быть простаком на час...
Окно... Кому-то в тишину,
кому — в бедлам... но нет причины
жить в беззаконности по сути...
Жизнь даже это всё прокрутит,
поздравив вас с таким почином
и возложив на вас вину..

Проржавели трубы где-то...
Да не где-то, а... намеренно —
дырку суверенитета
увидал наш старший вредник...
Он запутанно и смело
врал, греха не ощущая,
как сантехник — в мат умелый —

водку пьёт вместо чая...
Походя пройдясь по скрепам
и почуяв в это веру,
он трубу в Европу крепко
заварил... как Петр не Первый...
Да... не Первый, но... пустое...
Он — один в тех скрепах важен...
Мы идём единым строем...
Ничего нет СТРОЯ гаже...

А за окном опять галдит народ:
наверно, снова денег не хватает...
А кто ж без денег жить его заставит,
ведь он же всё-таки народ — не сброд...
О чём-то страшном мысли нет с утра,
но... ежли что, — не заржавели вилы:
бельмом в глазу — награбленные виллы...
да и без них — немислимо добра...
Душа горит и мне уж невтерпёж...
И Бог простит — наверно, по привычке...
Для нас Он был...есть... будет, как отмычка...
А нам: нельзя... не подходи... не трожь...
Душить — души, но в душу не пущу...
Кресты на шеях тянут кандалами...
Вот-вот из искры возгорится пламя —
я многого тебе уж не прощу...

Память - это человек, наверно...
но... и не мёртвый, — жив ещё пока...

Жить среди мёртвых – неизбежно скверно...
Пусть памяти течёт во мне река...
Она течёт, и я плыву – в безлюдье,
как будто бы, но... солнышко блестит
и рядом люди просто, а не судьи,
и память – хоть осудит, но... простит...

Не ори – помочь себе не в силах...
Скользота – с увечностью в ладу,
и душа, как будто бы простыла,
хоть простуда не велик недуг...
Берегись осенней непогоды –
сквозняки освоили дворы...
Может, мы заложники природы?...
Может, мы участники игры
на Земле?... А может быть и судьбы?...
Но – кого судить?... Велик соблазн
жизнь вдохнуть, как все вдыхают люди,
только задохнуться я горазд...
За окном так странно неуютно –
стылый ветер, мокрый снег с ленцой...
Только жизнь пока ещё попутна...
да и та – с какой-то хитрецей...

Когда последние штрихи
на унисон мой мир настроят,
не стану я: писать стихи,
свои подсчитывать грехи...
а просто этот мир... закрою...

Такое маленькое, маленькое вечно...
чуть-чуть зажато — будто в западне...
Успеть не сможешь, — будет скоротечным...
а если сможешь, — как тебе видней...
Такое маленькое, будто лучик тонкий —
блеснёт и сгинет — снова тишина:
ничто не давит так на перепонки,
как тишины тяжёлая стена...
Такое маленькое... Верю — будет рядом...
и будет жить безмолвно и тепло,
и стану я на время... счастьепадом...
и тоже маленьким — большим назло...

Крошится смысл невозможного быта
на беспредельно мельчайшие крохи...
Слышатся ахи, а может и охи...
только не ширится наше корыто...
Чавканье злит, а усталость безмерно
тянет на дно невозможности выжить...
Видно, останусь навечно я рыжим,
тошим и бедным, но... гордости верным.
Нет, не смогу никогда на колени
пасть и забиться в безумном экстазе...
Пусть эта жизнь хоть бессмертием дразнит,
я... пропаду от навязчивой лени...

Октябрь — по статусу умело —
про душу мне наговорит...
Я помню — осень песню пела,

а песня завсегда бодрит..
и я в углу бездарной лести
пою ей тоже песню в такт,
она — мой неизменный крестик
на шее голосистых врак..
Лежать и слушать?.. Безупречен
наивный голос изнутри..
Я тоже всё пою о вечном,
хотя пока что не старик..
Не вру, но... холодок открытий
ворчлив, но верен... Нет причин
бескомпромиссно честно выть ей
о безутешности в ночи..

За дверью прошлое ворчит, поскуливает..
А я ему и рад, вроде, но... как-то
не очень, что ли... Оно не рядом — на стуле,
а где-то вдали — свершившимся фактом..

Я грущу... и затыкаю
щели все, и жду подспудно
доведения до края
изнутри своей паскудной
жизни... Бьётся дождь по крыше
сумасшедше непристойно..
Я пока ещё не вышел
из ума... Оттуда стройно-
грозными рядами, мерно
шаг чеканя, в жерле смуты —

миллионы власти верных
ищут что-то в водах мутных...
Что?... Да, если б знать, дружище...
Я бы дом расконопатил...
Только ветры злобы рыщут
по Земле... совсем некстати...

Я не попутчик... на плечах
моих свисают все проклятья
моей стране... Увы и ах...
А где же, где же это счастье?...
Где счастье?... Боже, — на веку
моём усталость и тревоги...
Хотелось счастье на скаку
поднять хотя б в конце дороги...
Но счастье прячется в пыли,
храня забытость раритета...
Мы счастье не уберегли...
А жить без счастья смысла нету...

Не вспомню гадости и боли
я через двести тысяч лет...
не вспомню тяготы юдоли...
А кто их вспомнит?... Этих нет...
Мы из беспечности и лени,
мы с жарким солнцем на паях
лежим и нам не надо тени...
мы все — из странных бедолаг,
которым жизнь еще по нраву,

которым ветренность — не ложь...
которым и не надо славы,
которым — гож или не гож...
которым выдумки, похоже,
похлеще яви на веку,
которым кислым быть негоже...
а если кислым, то... в соку..
Не вспомню... вечностью запутан...
лечу по небу — синь и бел...
всегда, в любое время суток —
я жизни следовать хотел...

Я — оборванный листок
календарный - без ответа
на вопрос: а что с Планетой?...
А ответ — он между строк...
Между строк — такой урок
мне и всем — кто, в чём повинен...
Только Солнце не остынет,
чей бы ни был в чём порок...

Безверие томится флягой бражной
и лопаются пузыри,
и разлетаются надежды граждан
от Сахалина до Твери...

Начну кричать... Порву мгновенно связки...
Взгрусну... Смолчу... У жизни есть предел...

А передел от Крыма до Аляски
оставлю тем, кто за войну радел...

Как хочется верить,
что есть... любовь...
что она есть и... будет...
и... всегда... и... без причины...
вне времени и пространства...
А если в это не верить,
то и жизнь — мимо,
как будто её и не было
и... не будет: никогда...
Ведь всё же когда-то случается...
А жизнь проходит,
как будто случайно:
прошуршит мимо и...
нет любви... нет виктории,
которую ты и... не заслужил...
Но... ведь была... хотя, может...
А она... тенью... мимо...
Все равно — хочется верить, что...
любовь была, есть и будет!

Не беспокой меня отныне —
я уступаю жизнь по кругу:
пусть будет жизнь моя упругой
и душу никогда не вынет
Тот, за которым рвётся слово,
хрипит и корчится от боли...

Жить даже с этой болью стоит —
смеясь и плача — снова, снова...
Не беспокой меня отныне...
В сто лет поместится мгновенье.
Пусть промелькну незримой тенью...
Он душу из меня не вынет...

Мой слабый голос сух и хрипл...
Хотелось жить... Наверно — странно?..
ведь мы — Россия, а не страны,
к которым так ярлык прилип...
А мы — вздох и... о войне...
Забыты, что ли, — похоронки?...
А я себе опять негромко:
хотелось жить... дожить — верней...

Живи бессовестно и рьяно...
складируй зависть, блуд и ложь...
Как хорошо быть вечно пьяным
среди бесстыдно лживых рож...

А в России пыль столбом:
битва не кончается —
прошибают стену лбом, —
лампочка качается...
Синяком не обойтись, —
хлещет кровь канавою...
Что нам, к чёрту, чья-то жизнь?
Завсегда мы правые!

Эх, ты, горе, горе — не беда...
Мы с тобой весёлые всегда.
Что нам к чёрту чья-то жизнь...
Завсегда мы правые.

Руки чешутся, — беда:
и к деньгам, и к выпивке...
В драке тоже нет вреда, —
мы дубильной выделки.
Рвём рубаху на груди —
нам ли в чём-то каяться...
Пусть весь мир от нас гудит...
Ох, — ещё намается!.....

Когда-нибудь я обернусь и... что же —
цветёт улыбка на губах?...
Нет, — просто пробежит по коже
дрожь... Мы летим на всех парах
куда-то весело и безутешно,
плюя на совесть, ум и честь...
Всегда учили: можно быть и грешным,
коль что-то за душонкой есть...
А есть не что-то — есть страна и люди...
но... жить на уровне любви
нам не с руки... С нас не убудет —
не жить, а выть под-радость-на-крови...

Уходит день и прохладой
ночь заботливо сужает стены,

за которыми жить надо,
а не хочется, ведь там жить вредно...

НО

На заборе кисть сирени
так приладилась, что — будто
в свой весенний день рожденья
улыбается кому-то...

Время приходит — пожать руку
и улыбнуться легко, будто
всё, что имел, передал внуку
и подтвердил: да — уже пусто...
Запах ушёл и ушли краски...
Ветер углы все продул, выдув
чувства... и выдохнул: будь ласка...
Да и билет выходной выдан...
Время прощать... А судить строго —
это уже не моё дело...
А впереди только путь к Богу —
нет парадигмы пройти смело...
Дом опустел... За окном стыло...
Всё ещё будет — весны встреча...
А у меня всё уже было...
И внук этим всем обеспечен...

Мечтать — это так странно...
Кому же тогда верить?...
Мечтают и люди, и страны...
Мечтанья — сплошные потери...

Ведь жить на виду, голо —
вот это всегда праздник!
А если же есть молох, —
можно ли так жить разве?...
Уйду — не вернусь даже,
не вспомню — пройду боком...
И что мне судьба скажет?...
Ну, скажет... И — что проку?...
Не больно ответ нужен...
Вопросов бы мне кучу...
А жизнь?... Чем она туже, —
тем кажется мне лучше.

Закончится скоро недолгое лето...
закончатся споры о том и об этом...
и вздрогнет крылечко от женского смеха,
и звука осколок откликнется эхом...
По лунной дорожке — короткой и яркой —
две юные бОшки, хотя... перестарки...
пройдут, — неизменно твердя про закаты...
они — неприметны, до корочки сжаты...
Они не уходят — уходят другие...
в их тонкой природе все звуки... глухие...
Они не устали от этого звона...
но звуки печали отнюдь не вне зоны...
Хоть просятся в уши минорные ноты,
их звонкие души так просят полёта...
Летите, летите... Вас встретит в тумане
наш вечный проститель... и он не обманет...

Мы идем единым строем
в никуда, куда ведут...
Есть в стране свои герои
и у них характер крут!...
Не дадут нам ни покоя,
ни вздохнуть, ни умереть,
и умело правду скроют,
и заставят песни петь
на поминках у свободы...
закопают без креста...
Есть народ и... нет народа, —
есть народные места...

Заколдованное лето
в белом саване ночей —
будто строчка из куплета:
ты — ничья, и я — ничей...

Кареглазая соседка,
поколдуй ка у костра:
завари чаёчек крепкий,
чтобы выжить до утра...

Улетаю, улетаю...
Не держи меня, мой друг:
в небе облачком растаю,
замыкая ночи круг...

Переждем, и всё случится...
Слышишь – кто-то в дверь стучится?
Ночь...
Не случайный ли прохожий
ищет – не находит тоже?
Ночь...
Кто он – этот третий лишний,
что усердствует излишне?
Ночь...
Дует из окна – нет мочи,
не спасет полоска скотча.
Ночь...
Стыло. Далеко до света.
Как в ушко иглы продета
ночь...
А в зрачках твоих лучистых
будто прячется нечистый.
Ночь...
Нет ответа – почему же
в комнате такая стужа?
Ночь...
Только ждать, когда случится
или кто-то постучится
в ночь...

Лето... Снег постыл и грешен
в том, что...нагл... Как прокажённый
день в остатке... Я пижонно
сам в себе... иду неспешен:

замечать не замечаю
устрашения природы...
для меня — внутри погода,
а снаружи — день нечаян...
Лето... Ветер... Тучи хмуры...
Мы с надеждой в паре снова
не поверим в лета слово —
много в лете перекуров...
Бестолковничать без нужды
позволительно не многим...
Лету кланяемся в ноги,
а оно... как бы — недужно...
Не хватает бедолаге
сил порадовать мне душу,
чтоб баланса не нарушить
в этой жизни для салаги...

Как будто дуновенье ветерка
срывает и уносит вдаль мгновенья...
и не имеет эта жизнь значенья,
коль нет любви — разорвана строка...
И паутинка уплывает вдаль
под жарким солнцем молодого лета...
не чья-то, а моя судьба задета...
но мне себя ни чуточки не жаль...
Проснётся день бесстыдно и легко...
протянет руку жизнь — сомкнём ладони...
пусть смерть меня сегодня не догонит...
а завтра... так бездонно далеко...

Молчу... Жена не разрешает...
А за окном висит весна...
и правда, — правда, небольшая, —
за ней стоит... одна страна...
Хотя... весь мир сегодня странен...
На совесть нынче наплевать...
Сегодня я убит — не ранен...
Жена советует... молчать...
Молчу... Заветное молчанье
хрипит и рвётся, но... молчу...
Мы все в миру однополчане...
Я за молчанье заплачу...

Война безудержна и зла...
бесстыдна, гола и кровава...
и победителям — не слава...
и побежденным — жизнь мала...
В провале бывшего окна
столкнулись в лоб жара и холод...
Мир этот надвое расколот:
любовь молчит — кричит война...
Она орёт... И звон в ушах
не колокольный... Что же, Боже,
Ты человеку не поможешь
внушить за жизнь людскую страх?..

Не халтурь, любимый вечер...
Я доверчив, но... подспудно
не готов вещать прилюдно,

ведь заведомо заплечен...
Я ропшу, но... лень на части
рвать запутанность в запале:
нет конца, увы, в начале,
я — безудержно причастен
ко всему, что так знакомо,
ко всему, что было тайной...
Нет причины жить прощально —
надо верить до оскомы...
Я, конечно же, спокоен,
я — уютен и... открыто
таю в зеркале — размытым
обалдуем на покое...

Суди меня как можно строже —
негоже врать себе и людям...
Не лезть же нам всем вон из кожи...
Не сложен путь — он просто труден...
Врать так легко... Вранье кому-то
поможет жить, а может — выжить...
Судить — суди... но знай, что врут-то
не только те, кто в хлам бесстыжи...

Забытость не забывчивость отныне:
всё просто — постоянная война...
А человек?... Он потихоньку сгинет...
останется уставшая страна...
Останутся разбитое корыто
в хлеву надежд, нечаянность слезы...

Голодных будет много — мало сытых...
и — выжить незапятнанный призыв...
Холодный ветер выдует напасти
и вешний дождик смоем грязь икон...
и брызнет солнце и теплом, и счастьем...
Врагами быть, похоже, — не сезон...

Никто не думал тишину
порвать на лоскутки признанья,
что мир не выдюжил войну
и встрече предпочел прощанье...
Никто не верил до поры,
что у войны бессонны ночи,
что нет подлее той игры,
которую дурак пророчит...

Нет никого... Опоздавшее лето
тёплым дождем проливается в душу...
Есть и такая простая примета —
будет тепло, если душу послушать
и окунуться в речную прохладу
и заблестеть чешуёй дождевою....
Жить по любви и по радости надо!...
Дождик прольётся водою живою...

Неровно дышится к весне,
а к лету... и дыханье мимо,
так лето холодом гонимо —
назваться осенью честней...

Устало травка зеленил,
желтея... опытно и сыто...
дождями вечными умыта...
так лето с осенью роднит
неумолимо и смешно —
оно нечаянно бестактно
меняет истину экстрактом —
так убедительно грешно...

Червонным золотом — устало, без причин
текла печаль нежданно одиноко...
На стёклах приосеннившихся окон
висели листья, чтобы жизнь сличить,
рисуя медленно овал лица
из юности и... сыпались осколки,
прощая все по жизни недомолвки,
пугая вечной близостью конца...
Но блики солнца верили в тепло
и растворяли грусть в стеклянном мире...
Нас жизнь, наверно, с памятью помирят,
гуманно склеив битое стекло...

По Литейному дома номер шесть мимо
шёл человек кем-то куда-то гонимый...
Ступал медленно — будто бы с тяжкой ношей...
Плохой человек был, а, может... хороший...
Неведомо то — время забыть забыло,
кто он... кому... почему не вышел рылом...
Стыло и мерзко... Давай, поспешай прямо

на Левашевское — там есть твоя яма...
Ни ветра, ни солнца, ни весны, ни лета...
Будет только отголосок... с того света...
Человек-отголосок кирпичной стенки
дома шесть по Литейному... Открой zenки...

Нет ничего как будто бы — ни звука...
Рассвет в окно не просится уже...
и никого, кто мог бы стать порукой
опять, как прежде, новый день зажечь...
Ворчит озябший голос неумело —
не выдохнуть, а, может, не вдохнуть...
Спрошу опять настырно, хоть несмело,
о жизни этой... Нет ответа... Ну,
не значит ли всё это, что пустое —
жить в тишине?... Не верю — есть резон...
Ведь мне считать молчание простым —
и не звонить, а только слышать звон...

Сегодня не было дождя... Удача...
Они (дожди) порой вредят... Иначе
у солнца не было бы причин стараться
денечки теплые строчить для братства...
Но и дожди нужны подчас... для влаги...
Наступит непременно час... бумаге...
И строчки спляшут и споют... Не скучно...
ведь создадут они уют искусно...
Дождинки вечностью сильны, конечно...
Мурашки по... и вдоль спины протечны...

Им ползать тоже не всегда пристало...
Стихи не вешняя вода, — усталость
придёт, когда в окно рассвет — не ночка,
когда куплет последний спет и... строчка
устало выдохнет слова про это...
и всё ж останется жива... до света...

Упокоённость... Нет такого слова...
Но хочется поверить — быть тому!
Я верил, верю, буду верить снова —
они придут — желанные сто муз
и увлекут в неведомые дали,
туда, где нет надуманных причин,
чтоб вдруг сердца в восторге не стучали..
Да... муза — упокоенность мужчин...

Всё ждало встречи с сентябрем:
сгорало безутешно лето,
три летних месяца втроём
на лето наложили вето...
Дрожали листья на ветру —
обеспокоенно и нервно,
вползало в чёрную дыру
дыханье лета в круге первом...
Кричали птицы, облака
свисали клочьями уныло,
земли помятые бока
резонно обнажали жилы...
Но... если хлябь с души стяхнём

и вспомним — было же и лето...
Давай на встречу с сентябрём
пока наложим тоже вето...

Ворошит устало память
годы, месяцы и дни
паучком в оконной раме,
намекая на зенит...
улыбается прощально
солнце — радуюсь и дню:
он и близкий, он и дальний —
миг и тот в душе храню...
Невозможности возможны,
у ромашки зреет пыл...
будет просто, было сложно,
есть надежда, что забыл
все невзгоды... а удачу
сохранил — карман не пуст,
зайчик солнечный проскачет,
пробуждая бурю чувств...
рассветёт и... всё, как прежде:
паучок и льётся свет...
Есть в окне просвет надежде...
Да, и жизнью я согрет.

Не шелести, год, за окном... Можно
и залететь с ветерком к чаю...
Чувствую всегда — даже подкожно —
каждый день ценой не случаен...

Вдруг забредёт... Вот, уж... весом будто...
разбередит, простирнёт душу...
Ведь и вопрос-то был, в общем, дутый,
вот, и ответ прохрустит в уши
чем—то таким — и не поймёшь даже,
что и зачем... Подмигнёшь... Годы
вмиг пролетят... Кто про них расскажет?...
Некому... Вот, и сажу один — гордый...

Невозможно жить без веры
в невозможность быть самим...
или... самым... Сдали нервы?...
Гонишь ты или... гоним...
или веришь безвозвратно,
или ждёшь... А ты не жди...
Ватный ты или не ватный, —
всё ещё, брат, впереди...
Не грусти и не завидуй:
рвётся тонкость в толщине...
Толстый ты ведь только с виду, —
толстым трудно на войне...
Не губи себя, родимый,
не щади себя в любви...
Все мы ветерком гонимы...
Только ниточку не рви...

Накрыли стол... И в тишине
не голоса слышны, а... звуки,
как будто кто — всех нас грешней —

определил себя на муки,
ведь жил запутанно и зло,
не понимая лжи и фальши,
был неуступчивым зело
и видел почему-то дальше...
Ах, это дальше... Плосок мир...
Такую даль достать едва ли,
хоть зачитай стихи до дыр...
А мы успокоенья ждали...

За день до смерти буду жить,
не отвлекаясь на сомненья,
и будет за окном кружить
неуловимое везенье...
и снег растает на губах,
отдав своё мгновенье влаги,
и запульсируют в стихах
на сереньком клочке бумаги
мне непонятные слова
о смысле жизни в этом мире,
о том, что жизнь всегда права,
о том, что только Бог помирит;
о том, что смертью не помочь
и жизнь, увы, — не помогает..
Уже осталась — только ночь...
А, что потом, — никто не знает..